

— Почему ты не смеешь войти?

Пик Люхэ возвышается над двенадцатью священными горами, он даже выше главного пика, где издревле обитали наставники, и почти скрывается в облаках. А поскольку на нем некогда жил и вознесся небожитель Лихуай, достигший стадии трансформации божества, его называют Первым пиком бессмертных.

Стоя у подножия, Вэнь Цань издалека смотрел на окутанную туманом вершину, напоминавшую призрачные чертоги небожителей. С его нынешними скудными познаниями в совершенствовании он даже на мече держался неуверенно, а если бы вздумал карабкаться пешком, неизвестно, сколько бы на это ушло времени. К счастью, у него был талисман сокращения расстояния, одолженный у Су Шэня, что позволило сэкономить силы.

Пик Люхэ по праву считается первым среди равных: вершина его невероятно высока, а воздух пропитан сдерживающей духовной энергией. Вэнь Цаню пришлось потратить немало талисманов, чтобы с трудом добраться до самого верха. Как только он ступил на плато, его окутал густой туман, смешанный с потоками духовной энергии, которые тонкими иглами просачивались в каждую косточку его тела.

Вокруг царила мертвая тишина. Легкий ветерок шевелил черную ленту, которой были перехвачены его волосы. Перед ним высился старинный павильон, на котором красовались размашистые иероглифы Люхэ. Вокруг простиралась ослепительная белизна, а за окутанными дымкой скалами виднелась изумрудная зелень. В отличие от других гор, здесь не было шумной жизни или показной роскоши светских кланов. Пик Люхэ парил над миром, подобно Юнь Ляню, не тронутый земной пылью.

Семнадцать лет этот призрачный, вызывающий трепет пейзаж, с которого открывался вид на все сущее, принадлежал лишь одному человеку — Юнь Ляню. Вэнь Цань подумал: должно быть, ему здесь очень одиноко.

Миновав поворот, он без труда нашел Юнь Ляня. Тот, как и прежде, предпочитал коротать время в павильоне мечей. Если никто не составлял ему компании, он брал свой меч Души и беседовал с ним на языке, понятном лишь им двоим. Почувствовав приближение Вэнь Цаня, Юнь Лянь спрятал клинок и замер, заложив руки за спину, перед рядом звенящих знаменитых мечей. Долго ждал, но Вэнь Цань так и не вошел.

Юнь Лянь обернулся и уставился на него:

— Почему ты не смеешь войти?

Юнь Лянь всегда говорил лишь то, в чем был уверен. Его лицо было бесстрастным, голос — холодным, и в этом вопросе отчетливо слышался допрос. Вэнь Цань не сдвинулся с места, лишь беспокойно вращая глазами по сторонам. Шутка ли? Думает, он не знает, что у павильона мечей есть душа и за незаконное вторжение ждет верная смерть?

В павильоне Люхэ хранилось самое грозное оружие мира совершенствующихся. Каждый меч прошел через сотни битв, прежде чем обрел покой здесь, и за долгие годы пропитался зловещей духовной силой. А уж светлая она или темная — зависело от сердца владельца. Говорят, когда небожитель Лихуай был еще жив, многие жаждали заполучить эти легендарные клинки. Самопровозглашенные мастера всеми правдами и неправдами пытались пробраться на пик. Редким смельчакам удавалось переступить порог павильона, но не выходил оттуда никто. Никто не знал, как они умирали: входили на своих двоих, а выносили их вперед ногами — сраженные наповал, без единой царапины на теле. С тех пор никто больше не осмеливался ступить на пик Люхэ.

Однако павильон обладал разумом и признавал лишь своих. Юнь Бинжун как-то сказал ему: войти может либо тот, кого признал сам Юнь Лянь, либо ученик с поясом пика Люхэ. С тех пор как Юнь Бинжун стал послушником, он ни разу не видел, чтобы Юнь Лянь кого-то признал, а учеников, достойных носить пояс этого пика, и вовсе не существовало.

Вэнь Цань еще не получил пояс, поэтому и не решался войти, боясь, что алчущие крови мечи проучат его. Стоило ему услышать их зловещий звон, как по спине пробежал холодок.

Вэнь Цань осторожно заглянул в дверной проем:

— Говорят, в павильоне хранятся величайшие сокровища. Я еще не прошел обряд посвящения, боюсь, боюсь осквернить духов мечей.

— Пустяки. В будущем тебе все равно придется здесь тренироваться.

Если бы Вэнь Цань не знал, что внутри его ждет нож в спину, он бы почти поверил Юнь Ляню и даже изобразил бы трогательную братскую привязанность. Господи, это точно не сон? Высокомерный господин Линцин сам пригласил его войти — честь, которой не удостаивался никто. Многие мечтали об этом всю жизнь, но Вэнь Цань оставался непреклонен.

Он соорудил умильную гримасу:

— Ну что вы, не стоит. Такое священное место, как павильон мечей, нужно посещать только после официального вступления в орден, верно? Мы должны соблюдать правила и приличия.

Юнь Лянь взмахнул рукавом, и звенящие клинки мгновенно притихли, словно вмиг усмиренные. Поняв, что обмануть Вэнь Цаня не удалось, Юнь Лянь, не разжимая рук за спиной, вышел наружу. Проходя мимо, он бросил на него косой взгляд:

— Не ожидал, что ты знаком с правилами и приличиями.

Похоже, этот так называемый никчемный бездарь не так уж безнадёжен, как о нем болтали.

Выйдя из павильона, Юнь Лянь направился прямо к их жилым покоям. Раньше на пике Люхэ жил только он, остальные комнаты пустовали, их даже никто не убирал. Юнь Лянь застыл

перед внутренним двориком, словно стройное священное дерево; даже припорошенная инеем сосна рядом не могла сравниться с его грацией. Вэнь Цань последовал за ним, когда раздался холодный голос:

— Вторая комната слева — твоя. На пике Люхэ нет слуг, все придется делать самому.

Он мельком взглянул на Вэнь Цаня, словно спрашивая: понял ли ты? Вэнь Цань поспешно кивнул. Разве это сложно? В доме семьи Вэнь он жил и не в таких условиях. К тому же в прошлой жизни, когда он только стал учеником, все было точно так же, просто воспоминания давно стерлись.

— Тогда... значит, старший брат живет прямо рядом со мной? Теперь я смогу в любое время приходить к вам на тренировки?

Вэнь Цань смутно помнил, что его комната была где-то рядом, но все они выглядели одинаково, а раньше он никогда не обращал на это внимания.

— Твоя форма и пояс уже внутри. Как закончишь, отправляйся в павильон Вансянь для регистрации.

Юнь Лянь не ответил, лишь сухо бросил указание и, взмахнув рукавом, удалился. Вэнь Цань смотрел ему вслед, пока белые одежды не скрылись из виду, а затем закрыл дверь — это была его собственная комната. Старший брат все еще упрямится.

Новоприбывшие ученики обязаны были пройти обучение в павильоне Вансянь. Даже те, кого лично отобрали наставники, не были исключением. Павильон оправдывал свое название: изящное строение, скрытое в горах, окруженное резными галереями. Издалека казалось, что он парит над облаками.

Управляющим в Вансянь был старец Бай. Почти все нынешние ученики, кроме Юнь Ляня, прошли через его руки, поэтому его авторитет на горе Цинсюань был огромен. Новые ученики были примерно одного возраста, многие из светских семей, поэтому быстро нашли общий язык. Однако в мире бессмертных все было иначе: каждый орден жил по своим законам, и даже если кто-то был знаменит, люди лишь вежливо кланялись друг другу, улыбались и расходились.

Вскоре ученики разделились на три лагеря: дети кланов, ученики орденов и Вэнь Цань, стоявший особняком. Вэнь Цань был исключением всегда. Несмотря на его громкое имя, до прихода на гору Цинсюань мало кто видел его в лицо. Поэтому, когда другие ученики впервые увидели его, они были удивлены. Они думали, что Вэнь Цаня презирают из-за его непримечательной внешности и бездарности, а глава клана Вэнь просто стыдится показывать его людям. Они и представить не могли, что Вэнь Цань — такой одухотворенный юноша.

Впрочем, молодежь тяготеет к сильным, поэтому, даже если Вэнь Цань оказался не таким уж противным, как они ожидали, мысль о том, что он — никчемный слабак, не позволяла им первыми идти на контакт. Поняв, что его намеренно изолируют, Вэнь Цань не придавал этому значения и, положив голову на стол, закрыл глаза.

С тех пор как он ступил на гору Цинсюань, его каждую ночь мучили кошмары: он видел лица своих убийц из прошлой жизни, их жадные, искаженные гримасы. Даже после его смерти они не оставили его в покое, срывая одежду в поисках трактата «Цаньтун ци». И никто не знал, что в прошлой жизни он владел лишь его половиной.

Увидев, что Вэнь Цань крепко спит, Чан Сунлинь не выдержал:

— Всю ночь ворочался, не мог понять: с чего это господин Линцин выбрал именно Вэнь Цаня? Старик Бай прав, по способностям и таланту он и в подметки никому не годится!

Гу Хуайцзюэ, сидевший рядом, взглянул на Вэнь Цзыюя и покачал головой:

— Сунлинь, ну зачем ты опять об этом?

Чан Сунлинь фыркнул:

— Просто обидно! Но ты, Хуайцзюэ, не только меня упрекай. Посмотрим, что будет, если господин Линцин однажды возьмет в спутники кого-то вроде Вэнь Цаня. Реакция Гу Яньян будет куда яростнее моей.

Его кумир окружен бездарностью, да к тому же той, которую он терпеть не может — кто бы смирился с таким? Гу Хуайцзюэ промолчал, он уже мог себе это представить.

— Брат Вэнь, как думаешь, в чем ему так повезло? — Чан Сунлинь, не находя покоя, повернулся к Вэнь Цзыюю.

Он знал, что Вэнь Цзыюй ненавидит Вэнь Цаня с самого детства. Стоило кому-то упомянуть, что это его младший брат, как Вэнь Цзыюй тут же выходил из себя, не щадя ничьих чувств.

Вэнь Цзыюй бросил взгляд на спящего и холодно бросил:

— Просто собачье везение.

Шум мгновенно стих. Люди замолчали, словно лишились дара речи. Чан Сунлинь с любопытством вытянул шею, пытаясь понять, что случилось. Несколько учеников у окна приложили пальцы к губам, призывая к тишине.

В этот момент по галерее за их спинами промелькнул ослепительно белый силуэт. Прозрачные окна отразили призрачную тень, и по губам учеников можно было прочитать:

— Господин Линцин пришел.

<http://bllate.org/book/21250/2150430>